

Оноре де Бальзак

Сарразин

Перевод с французского
Веры Вальдман

ФТМ

Человеческая комедия

Оноре де Бальзак

Сарразин

«ФТМ»

1830

де Бальзак О.

Сарразин / О. де Бальзак — «ФТМ», 1830 — (Человеческая комедия)

ISBN 978-5-4467-0581-8

Новелла Бальзака, относительно малоизвестная, а на самом деле одна из вершин его творчества.

ISBN 978-5-4467-0581-8

© де Бальзак О., 1830

© ФТМ, 1830

Оноре де Бальзак Сарразин

Я был погружен в глубокую задумчивость, как это случается подчас со всяким, даже самым легкомысленным человеком, в разгар шумного празднества. Часы Елисейского дворца Бурбонов только что пробили полночь. Сидя в проеме окна и скрытый волнистыми складками муаровой портьеры, я без помехи мог созерцать сад особняка, где проводил этот вечер. Неясные силуэта деревьев, наполовину засыпанных снегом, смутно выступали на сероватом фоне облачного неба, слабо освещенного луной. В этой призрачной обстановке они отдаленно напоминали приведения, полузакутанные в свои саваны, – гигантское воспроизведение знаменитой «Пляски мертвецов». Обернувшись в противоположную сторону, я мог любоваться пляской живых существ! Роскошный зал, украшенный по стенам серебром и золотом, сверкающие люстры, горящие огнем бесчисленных свечей. Здесь толпились, двигались, порхали, словно бабочки, самые красивые женщины Парижа, самые богатые и знатные, самые блестящие и нарядные, ослепляющие взор игрой своих драгоценностей. Цветы на голове, на груди, в волосах; цветы, рассыпанные по ткани платья или гирляндой извивающиеся вдоль подола. Легкий трепет, мягкие сладострастные движения, заставляющие обвиваться вокруг стройных тел кружева, блонды, газ и шелк. Изредка то там, то здесь чей-нибудь искристый взгляд на мгновение спорил с огнями люстр и блеском алмазов, разжигая и без того пламенеющие сердца. Можно было кое-где уловить многозначительный кивок любовнику и досадливую гримаску по адресу мужа. Звон золота и восклицания партнеров при каждом неожиданном повороте игры сливались со звуками музыки и рокотом разговоров. Волна ароматов и винные пары окончательно одурманивали и болезненно разжигали воображение этой толпы, опьяненной и пресыщенной всеми наслаждениями жизни. Таким образом, справа от меня была мрачная и безмолвная картина смерти, слева – едва сдерживаемое в рамках приличия вакхическое веселье. Тут – природа, холодная, печальная и словно облаченная в траур, там – люди, опьяненные радостью жизни. Находясь как бы на грани, отделяющей друг от друга эти две столь различные картины, повторение которых в бесконечном разнообразии делает Париж самым веселым и в то же время самым философским городом в мире, я был во власти смешанных, словно винегрет, чувств и мыслей, то радостных, то мрачных. Левой ногой я отбивал такт музыки, а правой, казалось, стоял в гробу. И в самом деле, правая нога моя застыла от холодного сквозного ветра, обдававшего одну половину моего тела, в то время как другая согревалась влажным теплом танцевального зала – неприятное явление, так часто имеющее место на балу.

– Господин де Ланти приобрел этот особняк недавно?

– Нет, уже довольно давно. Скоро десять лет, как маршал де Карильяно продал ему его.

– Неужели?

– У этих людей, должно быть, огромное состояние?

– По-видимому, да.

– Какой бал! Он роскошен до дерзости.

– Думаете ли вы, что они так богаты, как господа де Нюсинжен или де Гондревиль?

– Да разве вы не знаете?

Высунув голову, я увидел обоих собеседников и сразу же определил их принадлежность к любопытной парижской породе, поглощенной вопросами: «Почему?», «Как?», «Откуда он появился?», «Кто они такие?», «Что здесь происходит?», «Что она сделала?». Они понизили голос и удалились – очевидно, с целью отыскать где-нибудь укромный диванчик, где можно было бы продолжать беседовать без помехи.

Вряд ли когда-нибудь для любителей чужих тайн открывалось более богатое поле деятельности. Никто не знал, откуда взялась семья де Ланти, что послужило источником ее огром-

ного, оцениваемого в несколько миллионов состояния – торговля ли, грабеж или пиратство, или богатое наследство. Все члены семьи говорили по-итальянски, по-французски, по-испански, по-английски, по-немецки с совершенством, дающим возможность предположить, что они подолгу жили среди всех этих народов. Были ли они цыгане? или потомки морских пиратов?

– А хотя бы и самого дьявола! – говорили молодые политиканы. – Приемы у них прекрасные.

– Если бы я даже знал, что граф де Ланти разграбил дворец какого-нибудь африканского бея, я и то женился бы на его дочери! – восклицал какой-то великосветский философ.

Да и кто в самом деле не пожелал бы жениться на шестнадцатилетней Марианине, красота которой казалась живым воплощением фантазии восточных поэтов. Подобно дочери султана в сказке о Лампе Аладина, ей следовало бы скрывать свое лицо под покрывалом. Ее пение затмевало несовершенный талант таких знаменитостей, как Малибран, Зонтаг или Фодор, у которых какое-нибудь одно выдающееся качество всегда нарушало совершенство целого. Марианина же умела соединить в своем пении доведенные до одинакового совершенства чистоту звука, изумительную чуткость, чувство ритма и интонации, задушевность и технику, строгую выдержанность и проникновенность. Эта девушка была олицетворением тайной поэзии, связующей воедино все искусства и неуловимой для тех, кто ее ищет. Мягкая и скромная, образованная и остроумная, Марианина затмевала всех, за исключением разве только своей матери.

Приходилось ли вам когда-либо встречать женщин, победоносная красота которых не вянет под влиянием протекающих лет и которые в тридцать шесть лет еще более привлекательны, чем они были пятнадцатью годами раньше? Их лицо отражает пламенную душу и словно пронизано светом; каждая черта его светится умом, каждый уголок кожи обладает каким-то трепетным блеском, особенно при свете вечерних огней. Глаза их, полные обаяния, притягивают и отталкивают, говорят или замыкаются в молчании; их походка полна непосредственности и утонченного искусства; в их голосе звучит неиссякаемое богатство интонаций, кокетливо нежных и мягких. Их похвалы способны игрой сопоставлений польстить самому болезненному самолюбию. Движение их бровей, малейшая искорка, вспыхнувшая в глазах, легкая дрожь, скользнувшая по губам, внушают нечто вроде священного ужаса тем, кто ставит в зависимость от них свою жизнь и счастье. Неопытная в любви и поддающаяся впечатлению красноречивых слов девушка легко может стать жертвой соблазнителя, но, имея дело с такими женщинами, мужчина должен, подобно господину де Жокуру, уметь подавить крик боли, когда горничная, пряча его в уборной, ломает ему, прищемив дверью, два пальца. Любить этих властных сирен, не значит ли это ставить на карту свою жизнь? И должно быть именно поэтому мы так страстно их любим! Такова была графиня де Ланти.

Филиппе, брат Марианины, так же как и его сестра, унаследовал ослепительную красоту своей матери. Говоря короче, этот юноша был живым воплощением Антиноя, только более хрупкого телосложения. Но как гармонично сочетаются с юношеской незрелостью эти художавые и изящные формы, когда смуглая кожа, густые брови и огонь, горящий в бархатистых глазах, являются залогом мужественных страстей и благородных увлечений в будущем! Если для молодых девушек Филиппе был олицетворением идеала мужчины, то их мамы также не забывали о нем, считая его одной из наиболее выгодных партий во Франции.

Красота, богатство, ум и привлекательность этих двух детей перешли к ним исключительно от матери. Граф де Ланти был мал ростом и безобразен, с лицом, изрытым оспой; мрачный, как испанец, и скучный, как банкир. Впрочем, его считали глубоким политиком, возможно, потому, что он редко смеялся и постоянно цитировал Меттерниха и Веллингтона.

Эта таинственная семья была столь же притягательна, как поэма Байрона, неясности которой по-разному толковались каждым членом высшего общества: возвышенные и темные песнопения, выливающиеся в строфу за строфой. Скрытность, проявляемая супругами

де Ланти относительно их происхождения, их прошлого и связей в четырех странах света, не должна была бы сама по себе долго вызывать удивление в Париже. Ни в одной, пожалуй, другой стране не восприняли в такой мере, как во Франции, аксиому Веспасиана. Здесь золотые монеты, даже испачканные кровью и грязью, ни в чем не уличают и все собою представляют. Лишь бы только высшему обществу был известен размер вашего состояния, и вас сразу же зачислят в разряд тех, чье богатство равно вашему; и никто не потребует у вас грамот о дворянском происхождении, ибо все знают, как дешево они стоят. В городе, где социальные проблемы разрешаются при помощи алгебраических уравнений, у авантюристов есть прекрасные шансы на успех. Даже если предположить, что эта семья вела свой род от цыган, она была так богата и блистала таким обаянием, что высшее общество имело все основания отнестись снисходительно к ее маленьким тайнам. Но, к несчастью, атмосфера загадочности, окружавшая семью де Ланти, подобно романам Анны Радклиф, давала все новую пищу любопытству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.